

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XVIII ВЕКА

Иван Иванович Хемницер

Басни. Эпитафия

И. И. Хемницер (1745–1784) — крупнейший русский поэт-баснописец второй половины XVIII века. Идейная глубина, сатирическая заостренность и демократизм басен Хемницера делают его одним из виднейших предшественников И. А. Крылова.

Басни Хемницера отличает отсутствие прямых нравов-учений, обращенных к читателю, характерных для других баснописцев, мораль в его сочинениях вытекает из самого действия.

Примечания: П. Орлов.

И. ХЕМНИЦЕР

БАСНИ

Обоз

*Шел некогда обоз;
А в том обозе был такой пре-
страшный воз,
Что перед прочими казался он
возами,
Какими кажутся слоны пред ко-
марами.
Не возик и не воз, возище то ва-
лит.
Но чем сей барин-воз набит?
Пузырями.*

1⁷⁷⁹ Земля хромоногих и картавых[1]

*Не помню, где-то я читал,
Что в старину была земля
небольшая,
И мода там была такая,
Которой каждый подражал,
Что не было ни человека,
Который бы, по обычаю века,
Прихрамывая не ходил*

И не картавя говорил;
А это все тогда искусством назы-
валось

И красотой считалось.

Проезжий из земли чужой,
Но не картавый, не хромой,
Приехавши туда, дивится моде
той

И говорит: «Возможно ль стать-
ся,

Чтоб красоту в том находить —
Хромым ходить

И все картавя говорить?

Нет, надобно стараться
Такую глупость выводить».

И вздумал было всех учить,
Чтоб так, как надобно, ходить
И чисто говорить.

Однако, как он ни старался,
Всяк при своем обычае остался;
И закричали все: «Тебе ли нас
учить?

Что на него смотреть, робята,
всё пустое!

Хоть худо ль, хорошо ль умеем
мы ходить

И говорить,

Однако не ему уж нас перемуд-

ритель;
Да кстатили ли теперь поверье от-
менить
Старинное такое?»

1⁷⁷⁹

Лев, учредивший совет

Лев учредил совет какой-то, неиз-
вестно,
И, посадя в совет сочленами сло-
нов,
Большую часть прибавил к ним
ослов.
Хотя слонам сидеть с ослами и
невместно,
Но лев не мог того числа слонов
набрать,
Какому прямо надлежало
В совете этом заседать.
Ну, что ж? пускай числа всего бы
недостало,
Ведь это б не мешало
Дела производить.
Нет, как же? а устав ужли пере-
ступить?
Хоть будь глупцы судьи, лишь сче-
том бы их стало.
А сверх того, как лев совет сей

учреждал,
Он вот как полагал
И льстился:
Ужли и впрям, что ум слонов
На ум не наведет ослов?
Однако, как совет открылся,
Дела совсем другим порядком по-
теккли:
Ослы, слонов с ума свели.

1⁷⁷⁹

Конь верховый[2]

Верховый гордый конь, увидя кля-
чу в поле
В работе под сохой
И в неге не такой,
И не в уборе, и не в холе,
Какую гордый конь у барины имел,
С пренебрежением на клячу по-
смотрел,
Пред клячею крестьянскою бод-
рился
И хвастал, чванился, и тем и сем
хвалился.
«Что? — говорит он кляче той. —
Бывал ли на тебе убор когда та-
кой,
Каков убор ты видишь мой?»

*И знаешь ли, меня как всякий почитает?
Всяк, кто мне встретится, дорожку уступает,
Всяк обо мне твердит и всякий похваляет.
Тебя же кто на свете знает?»
Несносна кляче спесь коня.
«Пошел, хвастун! — ему на это отвечает. —
Оставь с покоем ты меня.
Тебе ль со мной считаться
И мною насмехаться?
Не так бы хвастать ты умел,
Когда бы ты овса моих трудов не ел».*

1⁷⁷⁹

Волчье рассуждение

*Увидя волк, что шерсть пастух с овец стрижет,
«Мне мудрено, — сказал, — и я не понимаю,
Зачем пастух совсем с них кожу не дерет?
Я, например, так я всю кожу с них сдираю,
И то ж в иных дворах господских*

примечаю, —
Зачем бы и ему не так же поступи-
пать?»
Слон, волчье слыша рассуждение,
«Я должен, — говорит, — тебе на
то сказать:
Ты судишь так, как волк; а пасту-
хово мнение —
Овец своих не убивать.
С тебя, да и с господ иных приме-
ры брать —
Не будет наконец с кого и шерсть
снимать».

1⁷⁷⁹

Паук и мухи

«Постой, — паук сказал, —
Я чаю, я нашел причину,
Зачем еще большой я мухи не пой-
мал,
А попадается все мелочь; дай рас-
кину
Пошире паутину,
Авось-либо тогда поймаю и боль-
ших».
Раскинув, наживает их;
Все мелочь попадает;
Большая муха налетит —

*Прорвется и сама, и паутину
мчит.*

*А это и с людьми бывает,
Что маленьким, куда
Ни обернись, беда.
Вор, например, большой, хоть в
краже попадетсЯ,
Выходит прав из-под суда,
А маленький наказан остается.*

1⁷⁸²

Соловей и Чиж[3]

*Был дом,
Где под окном
И чиж и соловей висели
И пели.*

*Лишь только соловей, бывало, за-
поет,
Сын маленький отцу проходу не
дает,
Все птичку показать к нему он
приступает,
Которая так хорошо поет.*

*Отец, обеих сняв, мальчишке по-
дает.*

«Ну, — говорит, — узнай, мой свет,
Которая тебя так много забавляет?»

Тотчас на чижика мальчишка указал:

«Вот, батюшка, она», — сказал,
И всячески чижа мальчишка выхваляет:

«Какие перушки! Куды как он пригож!

Затем ведь у него и голос так хорош!»

Вот как мальчишка рассуждает.
Да полно, и в житействе тож
О людях многие по виду заключают:

Кто наряжен богато и пригож,
Того и умным почитают.

1⁷⁸²

Лестница

Все надобно стараться
С потребной стороны за дело приниматься;
А если иначе, все будет без пути.

Хозяин некакий стал лестницу
мести;
Да начал, не умея взяться,
С ступеней нижних месть. Хоть с
нижней сор сметет,
А с верхней сор опять на нижнюю
спадет.
«Не бестолков ли ты? — ему тут
говорили,
Которые при этом были. —
Кто снизу лестницу метет?»

На что бы походило,
Когда б в правлении, в каком бы
то ни было,
Не с вышних степеней, а с нижних
начинать
Порядок наблюдать?

1⁷⁸²

Дележ Львиный[4]

Осел с Овцой, с Коровой и с Козой
Когда-то в пайщики вступили
И Льва с собою пригласили
На договор такой:
Что если зверь какой
На чьей-нибудь земле, случится,
попадется

И зверя этого удастся изловить,
То б в случае таком добычу разде-
лить
По равной части всем, кому что
довеется.
Случись,
Олень к Козе в тенета попадись.
Тотчас друг другу повестили,
И вместе все оленя задушили.

Дошло до дележа. Лев тотчас го-
ворит:
«Одна тут часть моя и мне при-
надлежит
Затем, что договор такой мы по-
ложили».
«Об этом слова нет!» — «Другая
часть моя,
Затем что я
Львом называюсь
И первым между вас считаюсь».
«Пускай и то!» — «И третья
часть моя
По праву кто кого храбрее.
Еще четверту часть беру себе же
я
По праву кто кого сильнее.
А за последнюю лишь только кто

*примись,
То тут же и простись».*

1⁷⁸²

Привилегия

*Какой-то вздумал Лев указ публи-
ковать,
Что звери могут все вперед, без
опасенья,
Кто только смог с кого, душисть
и обдирать.
Что лучше быть могло такого
позволенья
Для тех, которые дерут и без то-
го?
Об этом чтоб указе знали,
Его два раза не читали.
Уж то-то было пиршество!
И кожу, кто лишь мог с кого,
Похваливают знай указ да обдира-
ют.
Душ, душ погибло тут,
Что их считают, не сочтут!
Лисице мудрено, однако, показа-
лось,
Что позволение такое состоя-
лось:
Зверям указом волю дать*

Повольно меж собой друг с друга
кожи драть!
Весьма сомнительным Лисица на-
ходила
И в рассуждении самой, и всех ско-
тов.
«Повыведасть бы Льва!» — Лисица
говорила
И львиное его величество спроси-
ла,
Не так чтоб прямо, нет, — как
спрашивают львов,
По-лисьи, на весы кладя значенье
слов,
Всё хитростью, обиняками,
Всё гладкими придворными слова-
ми:
«Не будет ли его величеству во
вред,
Что звери власть такую получи-
ли?»
Но сколько хитрости ее ни тонки
были,
Лев ей, однако же, на то ни да, ни
нет.
Когда ж, по Львову расчисленью,
Указ уж действие свое довольно
взял,

По высочайшему тогда соизволе-
нию
Лев всем зверям к себе явиться
указал.

«Тут те, которые жирные всех ка-
зались,
Назад уже не возвращались.
Вот я чего хотел, — Лисице Лев
сказал, —
Когда о вольности указ такой я
дал.
Чем жир мне по клочкам сби-
рать с зверей трудиться,
Я лучше дам ему скопиться.
Султан ведь также позволяет
Пашам с народа частно драть,
А сам уж кучами потом с пашей
сдирает;
Так я и рассудил пример с султа-
на взять».
Хотела было тут Лисица в возра-
жение
Сказать свое об этом мненье
И изъясниться Льву о следствии
худом,
Да вобразила то, что говорит со
Львом...

А мне хотелось бы, признаться,
Здесь об откупщиках словцо одно
сказать,
Что также и они в число нашей
годятся;
Да также думаю по-лисьи про-
молчать.

1⁷⁹⁹

Побор Львиный

В числе поборов тех, других,
Не помню, право, я, за множе-
ством, каких,
Определенных Льву с звериного на-
рода
(Так, как бы, например, крестьян-
ский наш народ
Дает оброки на господ),
И масло также шло для Львина
обихода.
А этот так же сбор, как всякий и
другой,
Имел приказ особый свой,
Особых и зверей, которых избира-
ли,
Чтоб должность сборщиков при
сборе отправляли.
Велик ли сбор тот был, не уда-

лось узнать,
А сборщиков не мало было!
Да речь и не о том; мне хочется
оказать
То, что при сборе том и как про-
исходило.
Большая часть из них, его переда-
вая,
Катала в лапах наперед:
А масло ведь к сухому льнет,
Так, следственно, его не мало
К звериным лапам приставало;
И, царским пользуясь добром,
Огромный масла ком стал ма-
леньким комком.
Однако как промеж скотами,
Как и людскими тож душами,
Не все бездельники, а знающие
честь
И совестные души есть,
То эти в лапах ком не только не
катали,
Но сверх того еще их в воду опус-
кали,
Чтоб масло передать по совести
своей.
Ну, если бы честных зверей
При сборе этом не сыскалось,

То сколько б масла Льву досталось?

Не знаю, так ли я на вкус людей судил?

Я Льву, на жалобу об этом, говорил:

«Где сборы,

Там и воры;

И дело это таково:

Чем больше сборщиков, тем больше воровство».

1⁷⁹⁹

Стрелка часовая

Когда-то стрелка часовая

На башне городской,

Свои достоинства счисляя,

Расхвасталась собой,

*И, прочим часовым частям в пре-
небреженье,*

*«Не должно ль, — говорит, — ко
мне иметь почтенье?»*

*Всему я городу служу как бы в за-
кон;*

*Все, что ни делают, по мне распо-
лагают:*

По мне работают, по мне и от-

дышают;
По мне съезжаются в суды и выез-
жают;
По мне чрез колокольный звон
К молитве даже созывают;
И словом, только час я нужный
покажу,
Так точно, будто прикажу.
Да я ж стою домов всех выше,
Так что весь город подо мной;
Всем видима и всё я вижу под со-
бой.
А вы что значите? Кто видит
вас?» — «Постой;
Нельзя ли как-нибудь потише,
И слово дать
И нам сказать? —
Другие части отвечали. —
Знай, если бы не мы тобою управ-
ляли,
Тебя бы, собственно, ни во что не
считали.
Ты хвастаешь собой,
Как часто хвастает и человек
иной,
Который за себя работать за-
ставляет,
А там себя других трудами вели-

чает».

1⁷⁹⁹

Метафизический ученик[5]

Отец один слышал,
Что за море детей учиться посы-
лают
И что вообще того, кто за морем
бывал,
От небывалого отменно почита-
ют,
Затем что с знанием таких лю-
дей считают;
И, смóтря на других, он сына
тож послать
Учиться за море решился.
Он от людей любил не отста-
вать,
Затем что был богат. Сын сколь-
ко-то учился,
Да сколько ни был глуп, глупяе
возвратился.
Попался к школьным он вралям,
Неистолкуемым дающим толк
вещам;
И словом, малого век дураком пу-
стили.
Бывало, глупости он попросту

болтал,
Теперь ученостью он толковать
их стал.
Бывало, лишь глупцы его не пони-
мали,
А ныне разуметь и умные не ста-
ли;
Дом, город и весь свет враньем
его скучал.

В метафизическом беснуясь раз-
мышленьи
О заданном одном старинном
предложеньи:
«Сыскать начало всех начал»,
Когда за облака он думой возно-
сился,
Дорогой шедши, вдруг он в яме
очутился.
Отец, встревоженный, который с
ним случился,
Скоряе бросился веревку прине-
сти,
Домашнюю свою премудрость из-
вести;
А думный между тем детина,
В той яме сидя, размышлял,
Какая быть могла падения причи-

на?
«Что оступился я, — ученый за-
ключал,—
Причиною землетрясенье;
А в яму скорое произвело стрем-
ленье
С землей и с ямою семи планет
сношенье».

Отец с веревкой прибежал.
«Вот, — говорит, — тебе веревка,
ухватись.
Я потащу тебя; да крепко же дер-
жись.
Не оборвись!..»
«Нет, погоди тащить; скажи мне
наперед:
Веревка вещь какая?»

Отец, вопрос его дурацкий остав-
ляя,
«Веревка вещь, — сказал, — такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму
попадет».
«На это б выдумать орудие дру-
гое,
А это слишком уж простое».
«Да время надобно, — отец ему на

то. —

А это, благо, уж готово».

«А время что?»

*«А время вещь такая,
Которую с глупцом я не хочу те-
рять.*

*Сиди, — сказал отец, — пока при-
ду опять».*

*Что, если бы вралеи и остальных
собрать*

*И в яму к этому в товарищи со-
слать?..*

Да яма надобна большая!

1⁷⁹⁹

Редакция Капниста Метафизик

*Отец один слышал,
Что за море детей учиться посы-
лают*

*И что того, кто за морем бывал,
От небывалого и с вида отлича-
ют.*

*Так чтоб от прочих не отстать,
Отец немедленно решил
Детину за море послать,
Чтоб доброму он там понаучил-*

ся.
Но сын глупяе воротился:
Попался на руки он школьным
тем врялям,
Которые о ума не раз людей сво-
дили,
Неистолкуемым давая толк ве-
щам,
И малого не научили,
А наве́к дураком пустили.
Бывало, с глупости он попросту
болтал,
Теперь всё свысока без толку тол-
ковал.
Бывало, глупые его не понимали,
А ныне разуметь и умные не ста-
ли.
Дом, город и весь свет враньем
его скучал.

В метафизическом беснуясь раз-
мышленьи
О заданном одном старинном
предложеньи:
Сыскать начало всех начал,
Когда за облака он думой возно-
сился,
Дорогой шедши, оступился

И в ров попал.
Отец, который с ним случился,
Скоряе бросился веревку прине-
сти,
Премудрость изо рва на свет про-
извести.

А думный между тем детина,
В той яме сидя, рассуждал:
«Какая быть могла причина,
Что оступился я и в этот ров по-
пал?»

Причина, кажется, тому земле-
трясенье;

А в яму скорое стремленье —
Центральное влечение,
Воздушное давленье...»

Отец с веревкой прибежал,
«Вот, — говорит, — тебе веревка;
ухватися.

Я потащу тебя, держися».
«Нет, погоди тащить, скажи мне
наперед, —

Понес студент обычный бред. —
Веревка вещь какая?»

Отец его был не учен,
Но рассудителен, умен

Вопрос ученый оставляя,
«Веревка — вещь, — ему ответ-
ствовал, — такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму
попадет».
«На это б выдумать орудие дру-
гое, —
Ученый все свое несет. —
А это что такое!..
Веревка! — вервие простое!»
«Да время надобно, — отец ему на
то. —
А это хоть не ново,
Да благо уж готово».
«Да время что?..»
«А время вещь такая,
Которую с глупцом не стану я
терять;
Сиди, — сказал отец, — пока при-
ду опять».

Что, если бы вралеи и остальных
собрать
И в яму к этому в товарищи по-
слать?..
Да яма надобна большая!

*Триумф Амура.
Гравюра Г. Скородумова с оригинала
А. Кауфман. 1780-е годы.
Государственный музей изобразитель-
ных искусств имени А. С. Пушкина.*

ЭПИТАФИИ

Надгробная на меня самого

*Не мни, прохожий, ты читать:
«Сей человек*

Богат и знатен прожил век».

*Нет, этого со мной, прохожий,
не бывало,*

*А все то от меня далёко убега-
ло,*

*Затем что сам того иметь я не
желал*

*И подлости всегда и знатных
убегал.*

Неизвестные годы

ПРИМЕЧАНИЯ

Иван Иванович Хемницер (1745–1784) — баснописец. Родился в Астрахани в семье немца врача, переселившегося в Россию из Саксонии. Средства в семье Хемницеров были очень ограниченными. Учился дома под руководством отца и частных учителей. Тринадцатилетним, утаив свой возраст, поступил в армию простым солдатом. Пробыл на военной службе двенадцать лет — до 1769 года, после чего получил место в Горном училище.

В начале 70-х годов входит в поэтический кружок Н. А. Львова, Г. Р. Державина и В. В. Капниста. В 1779 году издал первую книгу басен, которые имели в XVIII веке огромный успех. В 1782 году назначен генеральным консулом в Смирну (Турция), где и скончался.

Общественные взгляды Хемницера отличались несомненным демократизмом. Его насмешки адресованы представителям высших сословий, его симпатии — обездоленным труженикам. Но демократиям Хемницера весьма умерен в своих выводах, поскольку общественные порядки кажутся ему нерушимыми.

Отсюда — пессимистический тон многих его басен, главного и почти единственного жанра, в котором раскрылся его талант.

Басни Хемницера печатаются по тексту: И. И. Хемницер, Полное собрание стихотворений (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель»), М. — Л. 1963.

Примечания

Земля хромоногих и картавых. — Переработка басни немецкого писателя Христиана Фюрхтеготта Геллерта (1715–1769) «Das Land der Hinkenden» («Страна хромых»).

[^^^]

Конь верховый. — Вольный перевод басни Геллерта «Das Kutschpferd» («Каретная лошадь»).

[^^^]

Соловей и Чиж. — Вольный перевод басни Геллерта «Der Leisig» («Чиж»).

[^^^]

Дележ Львиный. — Переработка басни Лафонтена «La Génisse, la Chèvre et la Brebis, en société avec le Lion» («Телка, Коза и Овца в компании с Львом»).

[^^^]

Метафизический ученик. — В записных книжках Хемницера сохранился предполагаемый план окончания басни: «Не знаю, вовсе ли его он там оставил; да думаю, что нет: отец то есть. А только если бы таких вралей всех засадить в ямы, то много бы ям надобно». Подлинный текст басни Хемницера был опубликован лишь в 1873 году. Читатели XVIII–XIX веков знали ее в редакции В. Капниста, которая также публикуется в томе.

[^^^]